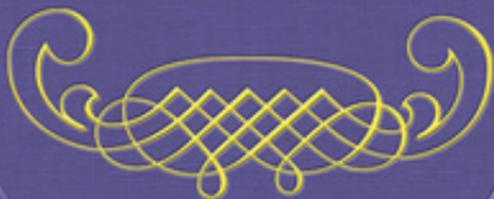

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Ночь под светлый день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149565

Н.В. Успенский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«По заведенному исстари обычаю во всех селах ночь под светлый день проходит без сна, в сборах к празднику. С вечера в каждом доме затапливаются печи и вплоть до заутрени идет стряпня. Так как заутрени начинается очень рано, то с вечера же народ одевается в праздничное платье. Всякий мужик долгом считает обуть хотя старые, но во всяком случае вымазанные дегтем сапоги; бабы надевали расписные понявы; парни – красные рубахи...»

Николай Васильевич Успенский

Ночь под светлый день ^{1}

По заведенному исстари обычаю во всех селах ночь под светлый день проходит без сна, в сборах к празднику. С вечера в каждом доме затапливаются печи и вплоть до заутрени идет стряпня. Так как заутреня начинается очень рано, то с вечера же народ одевается в праздничное платье. Всякий мужик долгом считает обуть хотя старые, но во всяком случае вымазанные дегтем сапоги; бабы надевали расписные понявы; парни – красные рубахи. Старушки принаряжаются для светлого Христова воскресенья в темные растегаи, купленные на ярмарке, в новые лапотки и снежной белизны платочки, драгоценные для них тем, что они же самими старушками предназначены препроводить их на тот свет.

С закатом солнца окрестные деревни и слободы пустеют. Народ с куличами, пасхами отправляется на ночь в приходское село. В церкви, до благовеста колокола, обыкновенно читают жития святых и чудеса разные; туда стекаются богомольные и желающие провести время в благочестивых размышлениях. Большая часть людей идет в дома своих знакомых.

Часов в восемь вечера сельская улица наполнена народом.

Во всех окнах светятся огни. Около слобод поповской и дворовой толпятся мужики, дворники, приказчики, лакеи. Где просятся ночевать, поздравляют с праздником; где предлагают услуги, расспрашивают о здоровье и проч.

– Наше почтение Савелью Игнатьичу. С наступающим праздником имею честь поздравить.

– Многолетнего здравия, Петр Акимыч, Лукерья Филипповна!.. Авдотья Герасимовна!.. Что? и вы к заутрени жалуете?

– Да-с; и мы...

– Дело... Вот и я с супругой тоже. Нельзя. Вся причина праздник обширный...

– Не знаете ли, Савелий Игнатьич, где бы мне переночевать с семейством?

– Право слово, не знаю. Мы с супругой у отца дьякона. Да вы попробуйте, спросите вон в кабаке: теперь там просторно...

– Как можно...

– Ей-богу! Да что ж вы думаете? Да мы с супругой, я вам скажу, раз в конюшне ночевали...

Кто-то ведет в темноте даму.

– Ко мне, ко мне, Марья Павловна, пожалуйста. Сюда. Лужицу-то пересигните...

– Куда это?

– Прямо! Валяйте!..

– Сигать?

– Сигайте...

– Темь какая, господи... У-у-ух! Ну!..

– Что, втесались?

– Втесалась...

– Да где ты, Настя? – кричит какая-то женщина.

– Я? вот...

– Иди скорей. Пойдем. Или ты не видишь, повсюду лакеи шлятся? Как же можно одной?

– Он, маменька, ничего...

– Кто?

– Лакей... барский. Он только говорит: Христос вос-кре-се!

– А ты?

– А я говорю: воистину.

– Ну, и дура за это... вот тебе и сказ!

В дьячковском доме, при свете ночников, хозяйка с засученными рукавами переваливает с боку на бок на столе тесто. Ее крошечный сынишко, весь в муке, стоит на полу и смотрит на нее, чего-то ожидая.

– Рано, голубчик, – говорит дьячиха. – Ни свет ни заря... Бог ушко отрежет...

Мальчик кладет в рот палец.

Дьячку, сидящему за церковной книгой и тихонько напевающему: «Тебе на водах», дочь заплетает косу.

В кухне священника, напротив пылающей печи, молодой работник с-молодой работницей изо всей мощи щиплют кур

и поросят, так что животные даже по смерти своей издают писк.

– Пойдешь к заутрени? – спрашивает работник, обдирая ухо на поросенке.

– Неколи... Я бы пошла.

– Так к обедни.

– Приду к обедни.

Земский примеривает только что принесенный сюртук. Портной осаживает полы, самодовольно встряхивает головой и говорит:

– Графу не стыдно надеть... Какова работа! Земский ухмыляется. Он хочет показаться жене. Земчиха в другой комнате снаряжает бабу в амбар.

Она говорит ей, доставая из-под платья ключ:

– Сходи ты, любезная...

– Варя, – перебивает земский, – погляди-ко, хорошо?

– Пошел ты отсюда! затейник...

Земский идет назад обескураженный.

В конторе идет спевка. Лакей, с тростью в руке, стоит перед толпою крестьянских ребятишек и задает им тон, делая своим голосом раскаты:

– Го-го-го-тр-р-р-тон-тон-тон... Начинай! ну?

Ребятишки разевают рты. Лакей взмахивает тростью; певчие от страху жмурят глаза.

– Трогай! Яко-о-о-да царя-яя... всех поды-ы-ы-ы... ну, что же вы? начинай!

Мальчишки пыхтят.

– Качай! Я-ко-о-о-да царя-я-я... Ну, я опять дам тон: го-го-го-го тр-р... нет, погоди! лучше пойти хворостину принести...

В небольшой чистой горенке, устланной свежей соломой, стоит перед образами хорошенькая вдова. Перед образами висят голубки, разноцветные лампы. Вдова вздыхает. У ней слезы на глазах.

– Можно ночевать? – раздается под окном голос.

– Кто это?

– Я, я, Танюша!..

Входит краснощекий парень; сапоги новые, шляпа новая с пряжками и зелеными перьями...

В хате птичницы с чашкой воды стоит баба перед закутанной печью, в которой шуршит и треплется веник.

Веник замолк. «Откутай!..» – кричит кто-то умирающим голосом...

Горница приказчика блистает огнями. Красный от бани приказчик пьет чай. В передней чистят сапоги. Хозяйка перед зеркалом убирает голову.

– Филимошка! – возглашает приказчик.

– Чего?

– К заутрени не ходи.

Чистка сапогов прекращается. Входящая работница доносит:

– Кучер Феноген приказал спросить, можно ли ему идти?

– А лошади с кем останутся?

– Мужик Лаврентий вас спрашивает.

Входит мужик.

– Что?

– Заступитесь.

– Ведь я тебе сказал... Дурачье вы!

– Петр Прохорыч, ради светлого Христова воскресения...

– Пошел вон!.. Чтоб я видел...

– Петр Прохорыч, помилосердствуйте! у меня дети... Батюшка!..

– Эй, гоните его!.. Живо! эй! Мужика выгоняют.

– Ишь каналья, мерзавец!.. Ему в солдаты не хочется...

Вас, грубиянов, не давить, толку не видать...

– Он вас обругал!.. – донос раздается.

Приказчик стоит, как врытый. Он вдруг накидывает на себя шинель, захватывает что-то в углу и бежит из дому. Ему вслед мигнул Филимошка, державший сапог в руке.

– Не слыхала, Прасковья Федоровна, новость? – говорят на улице старухи.

– Какую?

– Будто ноне после заутрени начнется светопредставление...

– Неужели?

– Да, матушка.

– Это верно-с, – подхватывает мещанин, взявшийся откуда-то. – Потому опосле заутрени подыметя самая трагедь...

– Да ведь что, родная? сказывают, сейчас бесы пробежали у скотного двора... какое стадо!

– А что, курочки-то у тебя хорошо несутся?

– Плохо...

Скоро десять часов; говор на улице утихает.

Дом священника битком набит народом. Столы и лавки завалены узлами, пасхами, писаными яйцами.

По стенам сидят дворовые девки, приказчики, лакеи и пр. В кухне, смежной с горницей, в разных положениях, на полу, на печи, на кониках лежат и сидят мужики. В горнице пахнет пирогами; потому что целое решето пирогов пронесит попадья. Она на дороге останавливается перед сонной купчихой и спрашивает:

– Вы не хотите ли вздремнуть, Аграфена Карловна?

– Нет-с... я уж дождусь заутрени. – Купчиха почесывает под мышками у себя и закрывает глаза.

– А то возьмите подушечку. Купчиха не отвечает более.

Один из лакеев тоже вздремнуть предлагает девкам. Девки поднимают его на смех. Он упирается затылком в стену. Другой, рядом сидящий, вытянув ноги, поет про себя: «О, любезного, о, сладчайшего твоего гласа». Третий лакей шевелит лучиной под лавкой: начинается такой шум, хохот, крик гусынь, что из спальни выходит священник и просит кричать полегче. Ему говорят, что это гусыни взмахались перед заутреней.

Напротив дворни, в углу, мещанин рассуждает с другим

мещанином о том, что надобно уметь пить; а то опиться недолго, – и приводит много несчастных примеров. Его собеседник не без хвастовства говорит:

– Мне, Иван Тихоныч, господь бог дал такой ум, что я теперь с ведра не захмеляю.

– А у нас, господа, прошу прислушать, – начал худощавый башмачник, – один лакей у своего барина (лакеи наострили уши) выпил бутыль и проглотил рюмку...

Лакеи вступают с башмачником в спор. Священник снова выходит из спальни, чтобы прекратить шум. Его просят быть посредником и разобрать дело.

В кухне разговоры не менее оживлены. На печи один парень рассказывает сказку про Ивана-царевича. Его слушает много народу, облепивши печь кругом.

– Меньшаго, – говорит парень, – звали Иван-царевич. Повадилась в их сад летать жар-птица и клевать золотобрез-яблочек...

На конике, окруженная толпою баб, сидит в белом платке разутая девушка Мариша, как сказывают, помешанная на любви к барскому сыну. Ее спрашивают, чем она кормится? Мариша, утираясь концами черной шали, отвечает:

– Где поиграю, попляшу... Петь-то ничего: заместо стихов... Купцы в Ахремове надысь три копейки мне дали.

– Ну, а родные-то твои? постой... что ты толкаешь...

– Ты спроси ее про любовь...

– О, выдумала!.. А родные-то твои желанны до тебя?

– Снохи нароют картофелю и от меня прячутся... Я сплю в клетки... (Молчание.) Мне помещица вуаль подарила; все девки на него смеются.

– Погоди, ты не умеешь!.. Дай-ко я спрошу... Вишь, она вовсе глупа... А в селе-то, Мариша, любят тебя?

– Да Старостины ребята всё колотят. Как праздник, так беги вон из деревни... пьяные бьют. Наши мужики шутики-то не принимают. Нешто где они что видели? Все как бы подраться. Я в монашки пойду. Говорят, на мне младенческая.

– Посторонитесь! – говорит поповская работница, держа плиту с жареными поросятами.

Народ расступается.

– Важно запахло!.. – замечает с печи мужик.

– Да-а... – присовокупляет другой. – Ведь подумаешь, братец мой, праздник-то; оттого-то он дорог, что еда прекрасная... А уж как у этих попов жрут сладко!..

– Ну, у приказчиков лучше. У тех еда царская... в десять раз лучше поповской... Одно слово, трескотня здоровая!

– Что ж им?

Под иконами старуха говорит про смерть своего сына-ратника.

– И там народ, и по ту сторону народ. Я кричу ему: «И где ж наш-то соколик белый?» А он, касатка моя, руку вот так и приложил к ланите. «Что ж, умер, что ли?» он рукой и махнул!

В детской комнате происходят уборы. Дочь священника, невеста, в коротеньких юбках, готовится надевать розовое платье. Ей хотят помочь дворовые девки. Попадья снимает с себя повойник. Двое мальчиков семинаристов, одетых в новые казакины, выбирают из лукошка красные яйца. Они пробуют их об зубы и говорят: «Давай биться»; семинаристы бьются, и одно из яиц трещит. Все так заняты работой, что никто не замечает, что в углу сидит в темноте лакей, жадно впившийся глазами в поповскую дочь. Он в руках для виду держит молитвенник.

В спальне, при свете лампы, в полудремоте сидит приказчик с узлом, рядом священник; поодаль, в стороне, в черном одеянии – монахиня. Монахиня приказчику рассказывает про чудо св. Макария.

– И сидит перед двумя монастырями бес, – прости меня, господи, – и дремлет. Идет Макарий. – Что ты дремлешь?

Приказчик вздрагивает и открывает глаза.

– К заутрени скоро, – говорит монахиня, – двенадцатый час... Ну, а что вы говорили насчет равенства, то оно будет при конце мира, не ранее... Тогда, по писанию, сын не будет знать отца, раб – господина и запустеют церкви...

Приказчик всхрапывает и ухом не ведет насчет равенства.

Мало-помалу в доме священника становится тихо. Лакеи угомонились; разговоры замолкли, народ по большей части дремлет и спит. Петух запел на дворе.

– Эй, вставай к заутрени... благовестят!.. – раздаются го-

лоса.

В самом деле, к заутрени заблаговестили. Будят сонных; поднимается суетня. С полатей, с печи слезает народ. Со стола разбираются куличи. Повсюду говор. Шумят накрахмаленные платья. Священник с палкой выходит из спальни. Все спешат за ним. В опустевшем доме никого не остается, кроме работников.

1859

comments

Комментарии

1

Ночь под светлый день – ночь перед пасхой.